

КРОКОДИЛ

ДЕВЯТЫЙ ГОД
ИЗДАНИЯ
ОКТАБРЬ 1930
МОСКВА

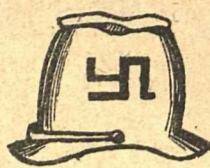
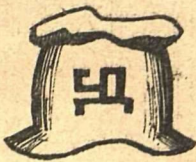
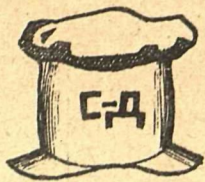
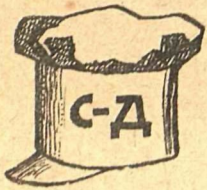
К 556
9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

Рис. К. Ротова

— Стоп, граждане! С таким багажом входить в третий год пятилетки строго воспрещается!

Постепенные изменения в головном уборе германской социал-демократии.

БЕЗ ОКОЛИЧНОСТЕЙ

В СОВЕТСКОЕ учреждение, к заведующему, пришел благовидный пожилой гражданин и скромно отрекомендовался:

— Честь имею!.. Бывший потомственный дворянин и государя моего полковник, Турусонаколесов!

— Так... Гм... — произнес заведующий. — Н-да... Что же вам, собственно, угодно?

— Получить должность во вверенном вам-с! — сказал Турусонаколесов.

Заведующий слегка удивился:

— Для вас?.. Бывшего... гм! Хотя, конечно, что ж... Бывает. Вы имели какое-нибудь касательство к революционному движению?

— Помилуйте, как же-с! — приосанился Турусонаколесов. — Еще в 1905 году кровь проливал, можно сказать!

— Ах, даже так? Активно участвовали в революции?..

— Этого не говорю. Участвовали другие, а я только проливал кровь. Ихнюю, разумеется! Самого же — господь миловал, а государь даже награждал-с!

— Н-ну, знаете!.. Гм... А как же вы относитесь к советской власти?

— Что за вопрос! Положа руку на сердце, могу сказать: отношусь с искреннею и горячей...

— ...Симпатией?..

— ...Ненавистью-с! Какая, к черту, симпатия? Имел чины, два завода, поместье, — и всего этого ныне лишен!

Заведующий оторопело похлопал глазами и спросил:

— Но, позвольте... При таком отношении... что же вы хотите у нас делать?!

— Как, то-есть, что? — удивился Турусонаколесов. — Пристроиться в качестве специалиста и, в меру сил и способностей, вредительствовать-с!

Заведующий вытаращил глаза. Затем протер их — и крикнул:

— Да вы что!.. Сумасшедший?.. Хулиган?.. Вот я сейчас позвоню, куда следует, и...

— Уже сейчас и «позвоню»!.. — обиженно вздохнул Турусонаколесов. — Справедливость-то где же?

— При чем тут справедливость? Вот я сейчас заявлю и...

— Других-то принимали же? Не заявляли?

— Каких других?.. Вот я сейчас...

— Да подождите же, — сказал Турусонаколесов. — Ведь я же читал список обнаруженных у вас вредителей! У некоторых и биография, и происхожденьице, и прошлое — то-чь в то-чь такие же, как и у меня. Почему же их вы держали на службе, а про меня хотите позвонить?..

— Идиотство какое!.. — простонал заведующий. — Да разве они говорили, что ненавидят советскую власть?.. Разве они обещали вредительствовать?!

Турусонаколесов развел руками:

— Ну, батенька мой!.. Знал бы — тоже не говорил бы. Знал бы — напел бы вам турусов на колесах о своей лояльности и сочувственном отношении к социализму-с! Но неужели вы поверили бы?.. Неужели можно быть таким...

Я знаю, что написал несусветно-несуразную вещь. Сам писал, а сам думал: «чепуха, вовсе нет никакого правдоподобия!»

В самом деле: ну, разве бывают такие дураки и шляпы... среди вредителей?..

Грамен.

БРАТЬЯМ-ПИСАТЕЛЯМ

*Теперь это модно — хождение в массы,
Как прежде когда-то „ходили в народ“...
„Писатель Стозвонов прошел по Донбассу...“
„Поэт Пустозвонов сходил на завод...“*

*„Писатель Трезвонов в бригаду вступает...“
„Поэт Звонарев вызывает других, —
На фабрике в пятницу он выступает
И в фонд пятилетки пожертвовал стих“.*

*Друг другу рекламу твоя, — в „Лит. Газете“,
Во-всю раздувая писательский сан, —
Писатели на-крик кричат о поэте,
Который в стихах помянул промфинплан.*

*— „Он ищет, смотрите! Он чует эпоху!
Какой это подвиг! Какой это сдвиг!“
А стихотворенье — написано плохо,
И странной издевкой звучит этот крик.*

*Годами без шума, но часто геройски
На пестрых страницах советских газет
Упорно дралось фельетонное войско
За каждую скрупулу наших побед.*

*Демьян-полководец бабахал подвалом,
Другие — кто прозой, кто острым стихом —
Упорно, неслышно, кто в крупном, кто в малом
Вели ежедневную битву с врагом.*

*И те же, кто нынче в писательском сани
Нелепо кичатся созданием бригад,
Они, свысока говоря о Демьяне,
Ругали газетчиков скромный отряд:*

*— „Газета... ведь это... не литература!..
И фельетонист — он совсем не поэт!
Газета — халтура и макулатура...
Творить надо минимум на десять лет!“*

*А нынче „высокого стиля“ хранитель
Отбросив на время свой жреческий тон,
Кричит: „Я пахал! Я пахал! Посмотрите —
Я даже в газету даю фельетон!“*

*Не плохо, конечно, что нынче писатель,
Хоть поздно, но к общим рядам подошел.
Но делать рекламу из этого — кстати ль?
Работайте молча — зато хорошо!*

*Коль вышли на помощь рабочему классу,
Так славьте не личности ваши, а класс.
„Писатель Стозвонов прошел по Донбассу...“
А что от Стозвонова видел Донбасс?!*

Вас. Лебедев-Нумач.

Рис. Ю. Ганфа

— До чего же люди близоруки: в своем учреждении вредителей не разглядели! А ведь стоило только вокруг себя посмотреть!

— Ну, как наши дела?
— Плохие вести, distinguished сэр, Союзмясо засыпалось!

УДАРНИЦА

(Разговорчик по телефону)

АЛЛО! Попросите к телефону Зинаиду Алексеевну. Ах, это вы? Простите, я не узнала ваш голос. Нарочно изменили? Зачем? Бойтесь мобилизации? Вот чудачка! Что ж тут страшного! Наоборот, я вся горю от общественной нагрузки. Конечно, мобилизована. Уже в четырнадцать литературных бригад. Ах, какой у меня под'ем! Да нет — под'ем настроения. Жорж уверяет, что я похожа на полководца. Кругом бригады, бригады, прорывы, прорывы, и я всех побеждаю. Ужасно весело. Да? А вы приезжайте — я вас устрою. Стихов не пишете? Пустяки! Будете читать Блока. Вполне созвучен. Нет, не трудно, работа пока организационная. Ездил. Один раз. Не помню названия. Что-то нацменское, сербское: „Серб молод“, кажется. Удовлетворение чисто моральное... Ничего подходящего... Я просила какой-нибудь текстильный завод, попрорывистей. Мусе надеть нечего. Думала, достану кофточку. А нам дали эту чугунолитейную фабрику. Зачем? Спросите у них. Езалаберщина. На что мне чугуны! У меня вся посуда алюминиевая. Не мешайте, барышня, мы говорим. Да, да, это я. В общем с'ездили удачно. Был концертный номер. Дантэ-свистун. Я читала лучшие свои вещи. Конечно, и „Сирень увяла“ и „Ноктюрн“. Успех колоссальный. Но вы сами понимаете, — чугуны. Публика серая. Я читаю с надрывом: „И он ушел... Слезинка за слезинкой упала на цветы“... А они смеются. Определенно не доходит. Как с прорывом, — не знаю. Они, оказывается, там досрочно выполнили какую-то программу. Разве у них разберешь. Да, да! Сережа? Здоров. Что ему делается? Ого! Еще как мобилизован! Двадцать три раза. Ерунда! Он же молодец! Прикрепился к колбасной фабрике „Всемирный Октябрь“ — кое-что достает. Ему звонят: „Мы вас, товарищ, мобилизуем!“ А он „Пожалуйста, с удовольствием. Прикрепите меня к фабрике „Всемирный Октябрь“ — там и прорыв, и мне удобно“. Его прикрепят и отстанут. Первый энтузиаст! Привет передам. Ну, пока. Звоните на дом. На службе бываю теперь редко. Очень просто — некогда. Ударница, не до службы. Звоните!

Б. Самсонов.

ВО ВСЕОРУЖИИ

ПОСЛЕ выборов в германский рейхстаг опечаленные социал-демократы пошли за советом и наставлением к Карлу Каутскому.

Маститый встретил их приветливо, но со вздохом.

— Опростоволосились, детки! — уныло определил он ситуацию. — Ну, что ж поделаешь: объективные причины!..

И, опустившись с дюжей помощью Цергибеля на колени, вознес к небу мольбу:

— Боже, накажи коммунистов!..
— Покарай коммунистов!.. — то-ненько и умильно подтянули остальные.

Затем Цергибель помог престарелому подняться и спросил:

— Ну, а с фашистами как же?
— С какими это фашистами? — строго удивился старец.

— Ну, с гитлеровскими молодцами!..
Маститый укоризненно покачал головой:

— А еще социал-демократ! Разве можно так выражаться о сильной партии? Как надо сказать, дрянной мальчишка? Ну!

— Виноват! — сконфузился Цергибель. — Надо сказать: с господами национал-социалистами!

— То-то же, — успокоился Каутский. — Можно даже сказать: с уважаемыми господами... Или с почтенными. Ведь они такие же социалисты, как и мы с вами! Да... Так о чем, бишь, мы?..

— Как быть с почтенными-то?.. — напомнил сумрачно Цергибель. — Боймся, как бы они нас не того... коленикою, например!

Престарелый подумал, пожевал губами — и изрек:

— Пустяки. Не страшно. Тут церемониться нечего. Во всеоружии встретим опасность. Да... Пустим в ход против них наше оружие! К вооруженному выступлению прибегнем! Да!..

Социал-демократы огорошенно переглянулись. Тогда Каутский спросил:

— Ну, чего заробели? Безоружные,

что ли, мы? Забыли вы, что ли, о нашем мощном оружии?..

— О пулеметах?.. — нерешительно догадался Цергибель.

— Дурак! — сказал старец. — Загадила сорока Якова, да и твердит про всякого! Не о пулеметах я сейчас говорю, а о языке! Наш могучий, наш гибкий, наш проникновенный язык — вот самое мощное и неотразимое оружие социал-демократа!

— Понимаю!.. — обрадовался Цергибель. — Язык — о, это да! Я тоже хорошо говорил с трибуны на выборах!..

Каутский сказал:

— И еще раз дурак! Не для того же только дан социал-демократу язык, чтобы трепать им! Язык дан социал-демократу для того...

— ...Чтобы скрывать мысли?.. — подсказал кто-то из чинов по множественным делам.

— Пфе!.. — сказал Каутский. — Какие там мысли!.. Язык дан социал-демократу для того...

И, почмокав, докончил:

— Чтобы пяточки кому следует во-время полизать, — вот для чего! Пяточки полизать, полизать хорошенько пяточки!.. Хе-хе-хе!..

Социал-демократы осклабились, подняли к небу просветлевшие взоры и хором воскликнули:

— Гох!!!

— Гох!.. — повторил Каутский. — Эх, если бы мне лет семьдесят скинуть с плеч, так уж я бы...

А Цергибель сказал:

— А теперь, геноссец, правое плечо вперед, в аптеку — марррш!..

— А не в рейхстаг?.. Зачем же в аптеку-то?.. — удивились остальные.

— За душистым полосканьем, — деловито пояснил Цергибель. — К уважаемым господам национал-социалистам — да с немывтыми языками? Надо же обращение понимать!

Никита Крышкин.

Ж

Ж — седьмая буква русской азбуки. Ничего особенного — ни плохого ни хорошего — о ней не скажешь: так себе, среднего качества буква из породы **шипящих**. Но в то же время она — довольно распространенная буква, так как с нее начинаются **жильды** и **жители**.

Жалобные книги — род массовой, весьма популярной литературы. Издаются они в большом количестве экземпляров и должны бы быть доступны каждому. Но это — только в теории. На практике же чаще случается, что жалобная книга не может найти читателя, а жалобную книгу не может найти писатель.

Впрочем, нам известны и такие случаи, когда писатель и читатель устраиваются с жалобной книгой не хуже, чем со всякой другой: „писатель пописывает, читатель почитывает“... И ничего, все как будто в порядке.

Жалованье — денежное вознаграждение за работу по найму. Бывает маленькое, скромное, ничего себе, довольно приличное, значительное и т. д. **Солидное** жалованье чаще называется **окладом**. Фининспекция взяла манеру именовать жалованье **доходом**, но, по нашему мнению, это далеко не одно и то же. Например, у некоторых коопработников **жалованье** бывает скромное, а „**доходы**“ — значительные и даже солидные.

Железо — черный металл, имеющий чрезвычайно важное, первостепенное значение для нашего строительства. Вещей, которые только тогда и хороши, когда они **железные**, можно насчитать много: назовем хотя бы железные крыши, железные гвозди, железную метлу, железную дисциплину, железную волю. Без этого в строительстве нельзя. Дашь **железо**!

Женева — город в Швейцарии. В общем, довольно живописен, но с плохими видами на мир.

З

З — тоже согласная буква и тоже занимает не последнее место в азбуке — восьмое. Казалось бы, — чего ж от нее ждать плохого?.. Однако же именно с нею-то и получаются всевозможные **загибы**.

Но справедливость требует отметить, что зато эта же буква принимает непосредственное участие в таких важных вещах, как зарплата, земледелие, зерновая проблема, заготовки... Так что дискредитировать ее не следует: лучше ограничиться благожелательной самокритикой.

За — совсем наоборот, чем **против** (см. это слово). В общем, дело нетрудное, если речь идет только о голосовании. Но на практике некоторые с этого только начинают, а продолжают, вот именно, — совсем наоборот.

Заготовители — они, вообще-то говоря, заготовители и есть: слово это русское, в переводе не нуждающееся. Но если взять некоторых „заготовителей“ из Союзмяса или Союзрыбы, то значение получается несколько иное, и „заготовители“ сначала нуждаются в переводе... денег из Англии, а затем — в высшей мере наказания.

(Продолжение — в след. номере)

ЗАВХОЗУ Печкину — задача,
Хоть в петлю голову продень.
По кабинету, тихо плача,
Шагает он четвертый день.

И впрямь, классическая драма, —
Ложись сейчас да помирай:
Директор приказал для хлама
Представить экстренно сарай.

Башка трещит, как три корзины,
Щемит завхозовскую грудь:
— Увы, завод не из резины —
Его никак не растянуть!

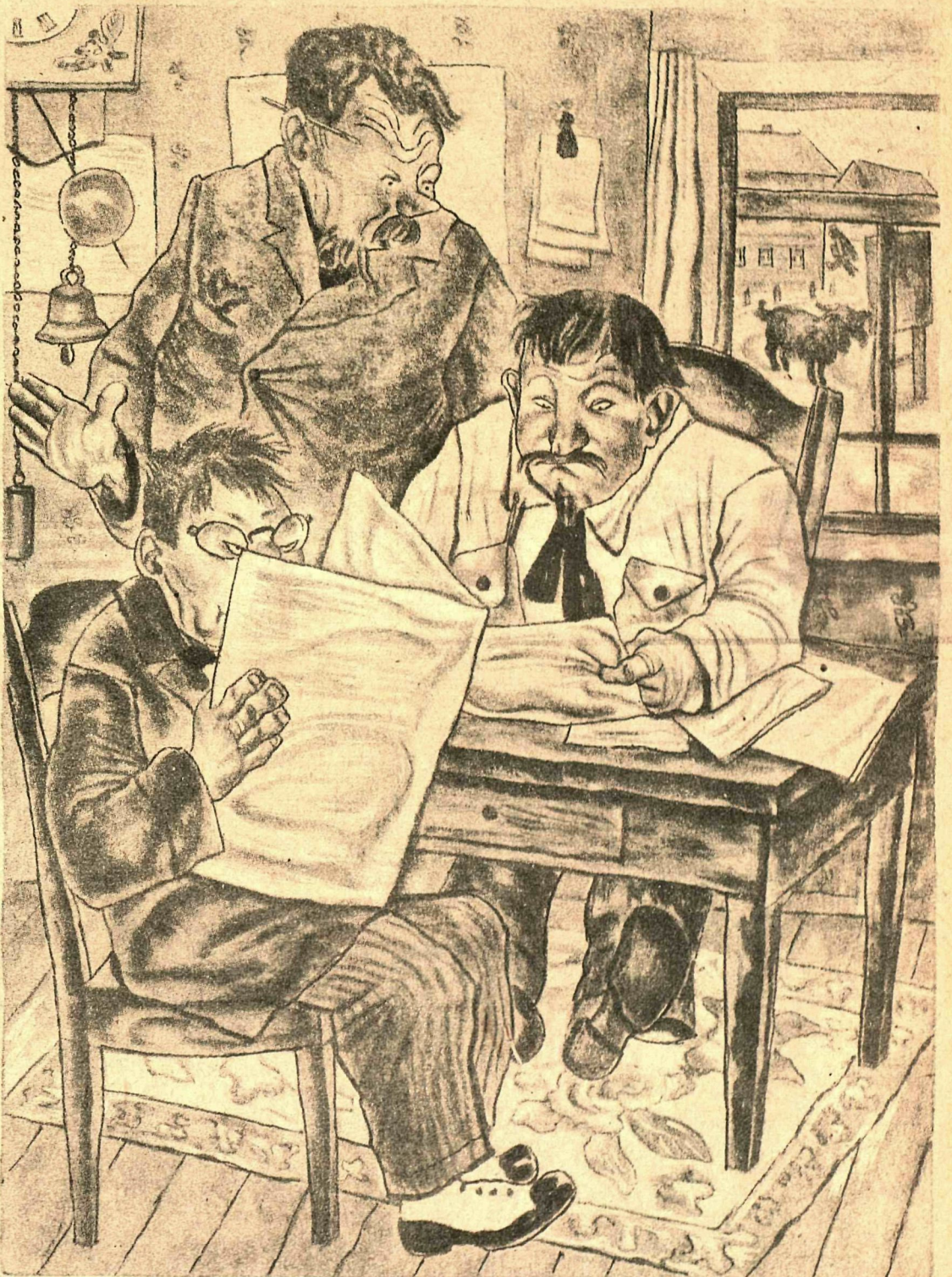
В устах у Печкина ни слова,
В ушах явнито, в глазах — темно...
Вдруг — культработника Петрова
Увидел он через окно.

И Печкин, вроде Архимеда,
В носках помчался со двора:
— Ура, товарищи, победа.
Есть помещение. Ур-ра!

И трое суток думал зря я,
О, мама, до чего ж я глуп:
Я мог бы сразу для сарая
Употребить... Заводский клуб!

В. Гранов.

Рис. И. Каликина

ДЕЛЯГИ

— Что же ты выдвигаешь в ответ на встречный промфинплан?
— Как — что? Встречные объективные причины!

Рис. П. Белянина

— Наконец-то я крупного бюрократа поймал!

НЕ БЫВАТЬ БЫ СЧАСТЬЮ

ПРИЕХАЛА на завод к нам бригада артистов. Видно, люди спешат: глаза вытаращенные, пот-градом и на лицах грим несмытый.

Приехали — и сразу:

— Есть у вас прорыв?

— Есть, — говорим, — прорывишко небольшой... Ликвидруем понемногу.

Тут актеры разложили свои чемоданчики и говорят:

— Мы вам поможем прорыв ликвидировать. Сережа, начинай! Вынул Сережа огромный «баян» и начали они выкомаривать. Сначала двое пол нам чечеткой портили. «Это, — говорят, — танец машин». Потом декламировали трое:

«Ура! Ура!

Пришел порыв.

Пора! Пора!

Прогнать прорыв!»

Потом опять танцевали, кувыркались, читали, а под конец какая-то певица в цыганском наряде вышла и говорит:

— Хотя мои песни и несозвучны, но я вам дам зарядку.

И запела:

«Нынче — пьянка, завтра — пьянка,

Нынче пьян и завтра пьян...

Я цыганка, ты — цыганка...

Мы цыгане, он — цыган».

Уж и обеденный перерыв у нас кончился — а они все выкомаривают. «Мы, — говорят, — к вам в цех пойдем — зарядку давать». Насилу мы от этих актерщиц избавились...

На другой день — только мы работать начали — бац! Вваливаются сразу две бригады. Мы — туда-сюда, нас, мол, вчера только обслуживали. А они — ни в какую:

— У вас, — говорят, — есть прорыв. И мы обязаны вам помочь его ликвидировать!

И пошли вкалывать: и танец приводных ремней и декламация:

«Долой нарыв!

Ура! Ура!

Прорвем прорыв!

Пора! Пора!..»

И опять несозвучная цыганка пела:

«А-ах, настойки, э-х, попойки, И-их, ты кровь, да о-ох, ты бровь!

У-ух, заливыстые тройки!

Ы-ых, про-рокая любовь!»

У нас прямо с души от этого пения воротило, и работа из рук начала валиться.

А в обеденный перерыв — прикатили к нам еще три бригады... И началось у нас на заводе что-то неопи-сываемое: в день по десяти бригад приезжать стали — обслуживают и обслуживают. И ничего с ними не сделаешь. Станешь им что-нибудь говорить, — а они сейчас в упор:

— А у вас прорыв есть?

Ну, и крыть нечем.

С неделю мы так промучились. А потом старый слесарь Антоныч выручил:

— Вот что, — говорит, — братцы!

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

ПРОРЫВ НА БИБЛИОТЕЧНОМ ФРОНТЕ

В колхозе «Коммунистический маяк» (Пермск) в библиотеке имеются такие перлы: «Любовные похождения кавалера Менсо», «Поучения царя Соломона», «За отечество» и т. п.

О чистке штата снова встал вопрос. Тому причиной гнусные примеры: Хотя не пустили кулака в колхоз, Но пробрались «цари» и «кавалеры!»... Аргус.

«КНЯЗЬ ДУНДУК» В 1929 Г.

В Закавказье, в лесном отделе работает б. князь Дундук.

(По Пушкину)

Тянет службу князь Дундук, Царской власти старый друг. Почему такая скверна? Почему Дундуку честь? Потому что там, наверно, «Кумовья» Дундука есть... Ф. Б.

«МНОГООБЕЩАЮЩЕЕ ИМЯ»

Электролампочки для шахт ленинградского з-да «Светлана» НЕ ГОРЯТ.

Про этот пример оптического обмана Кузьма Прутков сказал:

— Прочтя на лампочке надпись «Светлана»,

Не верь своим глазам!

Аргус.

ИЗВОРОТЛИВЫЙ НАЛИМ

Директор Владивостокского отделения Чаеуправления Валов прислал в Центросоюз телеграмму-молнию. Вот что он молниеносно сообщает:

«Мобилизации деревню освобожден нездоровью. Работаю круглые сутки. Нервы портят вопросы ликвидации строительства. Ваш приказ будет выполнен, несмотря на невероятные трудности, применю метод моих соотечественников — американцев — темп, изворотливость. Валов 1225.

Ничего себе, изворотливый человек — Валов. Кстати, если он партиец, то как он извернулся и проскользнул через чистку?

Ежели мы прорыва не ликвидируем, так эти актерщицы нас со свету сживут. Я и так, — говорит, — уж ночей не сплю и обедать перестал. Давайте, — говорит, — из последних навалимся!

И навалились мы! Как звери работали, не только пить-есть курить забывали. На большой палец работали!

Зато теперь — живем по-людски: ни танцев машин, ни цыганок, — красота! И когда к нам по ошибке какая-нибудь бригада актерская заезжает, — слесарь Антоныч кричит торжествующе и радостно:

— Довольно, милые, поездили! Никакого прорыва у нас нет! Отмучились! Поезжайте другим помогать!

А актерщицы грустно потряхивают чемоданчиками:

— Может, есть какой-нибудь прорывишко? А?

— Нет! Нет! — торопимся мы ответить. — Нет! И не будет!

Векум.

РЕДКАЯ ДОБЫЧА

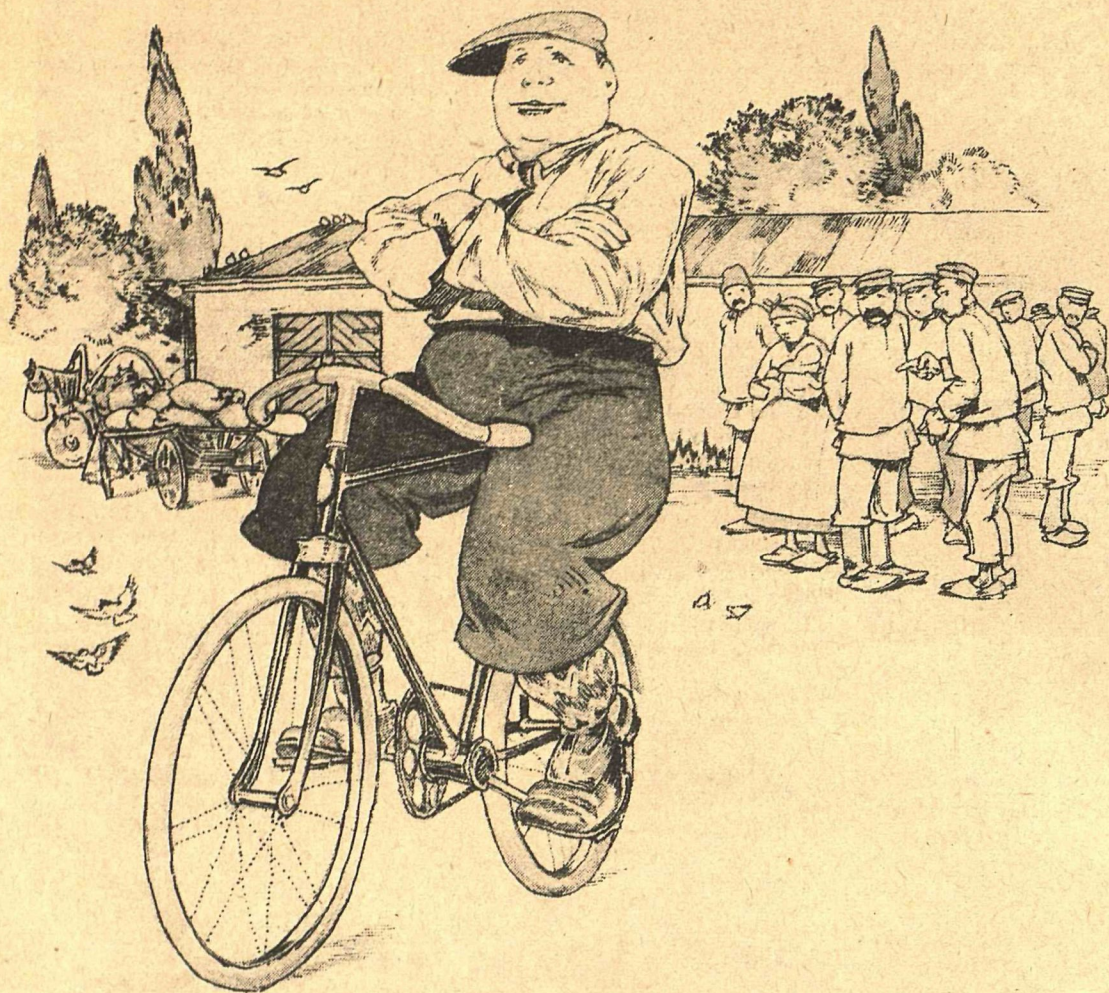
Рис. К. Елисева

— И куда эти рыбозаготовители запропастились? Ни одного не выудишь. Даже на такую приманку не клюют!

Селяне колхоза „Красный партизан“ привезли первую партию хлеба, но приемщик его не принял, так как катался на велосипеде.

Рис. А. Топикова

— А как ты думаешь, далеко на этом колесе можно докатиться?
— Далеко... До самого прокурора!

МОТЫЛЬКИ

В СЕ шло так тихо, мирно, гладко,
Всего лишь месяц, два назад,
А тут — подумать даже гадко:
Районы — точно с неба град!
И сразу началась утечка,
Забыв уютный кабинет
И бросив теплое местечко,
Бежит, как школьник, тучный пред.

В нем загорелась страсть к науке,
Любой ценою он готов
Взять свечечку знанья крепко в руки,
Хотя бы в школе... поваров.

Другой, покинув гещу, свата
И целый выводок родни,
Стремится в недрах синдиката
Найти местечко, сесть в тени.

А третий, точно конь ретивый
И закусивший удила,
Бежит, помахивая гривой,
Забросив все свои дела.

**

Как мухи сонные сидели,
А тут, гляди, какая прыть!
Летят стрелой к «заветной» цели,
Боясь в районы угудить.

И здесь опять-таки повинны
Лишь «объективные причины»...
В. Нурбатов.

МОГУЧИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Как и я, читатель, полюби ты
Чудных слов
Густой дремучий лес.
Наши

ОБЛДОРТРАНСЫ И ОМБИТЫ,
ОБЛОТДЕЛ СОЮЗА СТС!
Слов у нас имеется на мало,
Птицами слетают с явьяка.
Как не полюбить ХИМПАТКРАХ-МАЛА,

Как не полюбить ОДСК!
Необ'ятен перечень подробный,
И к словам у каждого свой вкус.

**

Мне ж всего милее
Бесподобный
Райживотноводколхозсоюз!

В. Моголь.

Несознательный элемент

ЕСЛИ ты, паршивый мальчишка, разболтаешь, что ты приходишься мне племянником, сыном моей сестры, то помни: турманом вылетит со службы, а на меня больше тогда и не надейся!.. Слышь, Мишка, и не заикайся!.. Заруби, Мишка, на носу!

Мишка не заикался. И никто в Копотьтресте не знал, что счетовод второго разряда Козухин приходится родным дядей парнишке — курьеру Мише Рылову.

На-днях маленькой струйкой, даже незаметной сначала капелькой, зародилась новость в финчасти и потекла из части в часть, по подотделам отделов, из этажа в этаж, все ширясь и ширясь в бурливый поток. Было так.

Сказал счетовод Козухин, счетовод второго разряда Козухин, счетоводу первого разряда Иваненко:

— А я, в порядке ударничества, соцсоревнования, пяти в четыре и реконструкции сельского хозяйства, решил готовить кадры и не голословно, не, как говорится, де-юре, а на факте-де, на живом факте: на Мише Рылове. Короче говоря, готовлю ежечасно в день после занятий, и восемь часов — в день выходной — Мишу Рылова в счетоводы.

Иваненко покраснел от завистливой мысли, что не ему самому пришлось в голову готовить из Мишки кад-

ры и прославиться тем как активнейший из актива, и потому придирчиво спросил:

— При чем тут реконструкция сельского хозяйства?

На это Козухин с долей неуважения в голосе к товарищу ответил:

— Ясно, кажется, при чем: при том, что в колхозы требуются кадры счетоводные.

С подавленным завистливым вздохом шептал Иваненко помбухгалтеру Кравидкому:

— Козухин — ударник. Козухин метит в шефы колхоза. Козухин на реконструкции сельского хозяйства хочет реконструировать свою тарифную ставку. Он делает ставку на кадрах и нашем курьере!

Кравидкий, Мойсей Абрамович, передвинул покоившиеся во время работы на его крутом лбу очки на их природное место, на переносицу, и нервно сказал:

— Или говорите мне ясно, Иваненко, или мне совсем не говорите.

Иваненко сказал все ясно. Кравидкий блеснул глазами:

— Не глупо. С общественным подходом. Я уже вижу его партбилет в нашей союзной «Нашей» и даже дальше: в общесоюзной «Правде».

И направился к бухгалтеру:

— В нашей бухгалтерии бьет общественный пульс. Где готовятся уже

кадом? У нас готовятся. Мы пошлем в колхоз счетовода в лице ударно приговоренного в качестве кадрового нашим же товарищем счетоводом... Мишу Рылова. Вы не знаете Мишки?..

— Ага! — сказал бухгалтер Вебер, — немедленно покинул свое место и миновал место выходного помзавотдела, вышел в кабинет завфинчастию.

— Что у вас, Фердинанд Иванович, что-нибудь срочное? Я иду к управделами.

— У меня новость. Вам как заву конечно, интересно и следует знать, что наша финчасть не только не плетется в отношении текущего места, а занимает командные высоты. Лозунг «готовь кадры» претворился в жизнь в нашем тресте и не где-нибудь, а в отделе, руководимом вами. Только ваше просвещенное руководство могло натолкнуть подчиненного вам...

Начальник спустя три минуты говорил управделами:

— Вы не забудьте, товарищ Иванов, сегодня же на докладе (он мотнул головой к двери, на которой была дощечка: «предправления») сказать об этом отрядном факте. Мы должны поддержать этот наш переход от слов к делу, ибо кадры — это узкое место, ибо вопрос о кадрах есть вопрос успеха пятилетки.

Иванов нетерпеливо оборвал его:

— Факт безусловно важный и отрядный. Я очень рад. Но идеологическую базу, так сказать теорию, я уж

сам подведу, и вы речи предо мной не держите. Я доложу сейчас на совещании у предправления и сообщу предместному. В три часа у меня будет журналист один и... простите меня...

Управделами, схватив папку, скрылся за дверью с дощечкой.

Минут 20 расписывал отрядный факт, подводя идеологическую базу, управделами на совещании правления.

По дороге в наркомат предправления, сидя в автомобиле, думал о том как он расскажет члену коллегии и замнаркому о подготовке кадров в тресте.

...Миша подошел к Козухину и спросил:

— Когда начнешь, дяденька, готовить из меня кадры?

Иваненко замер, глубоко вздохнул и спросил:

— Как «Мишенька» ты сказал? «Дяденька»? Ага-га-га!..

— Ну да, дяденька, а то как же, когда родной дяденька и есть? Небось, не чужой а дяденька.

— Товарищ Козухин — твой родной дяденька?!

Иваненко заржал и помчался галопом к помбухгалтеру.

Вот вам и кадры! Я так и знал. Разве без родственников обойдется?

Исидор Гуревич.

Осенний дождик

ЗА ОКНАМИ моросил мелкий осенний дождик. День близился к вечеру. Председатель общезаводского собрания отдавал концы:

— Слово по прорывам предоставляется товарищу Ивану Сергеевичу. А также в виду важности, я полагаю, не будем ограничивать оратора и дадим Ивану Сергеевичу столько, сколько ему потребуется. Возражений нет?

Слово для возражения взял тов. Лакомский. Он искательно, взглядом подчиненного посмотрел на Ивана Сергеевича.

— Дать Ивану Сергеевичу не меньше, как два часа!

— Полтора! — независимо воскликнул уходящий на учебу Ерошин.

Собрание зашумело.

Попросили слова: Огурцов, Ежик, Дайреджиев, Любовцев, Евтушенко, Богомолов и Иванов.

— Сколько дадим данным товарищам для высказывания по затронутому вопросу? — озабоченно спросил председатель.

Собрание ответило:

- Десять минут.
- Пятнадцать.
- Пять...

Взлетело шесть рук — шесть товарищей просили слова по вопросу о предоставлении слова.

Собрание шумело.

Через час пятнадцать минут Иван Сергеевич получил слово.

— Я буду краток! — угрожающе сказал докладчик. И все понурились. Начало предвещало весьма дальний рейс. — Итак, я буду краток...

— Я буду краток!

И потекли слова под конвоем цифр. Потащились товарным составом минуты. Часы буксовали толкачами. А за окнами моросил дождик. И вечер близился уже к ночи, когда Иван Сергеевич заканчивал и никак не мог закончить свое «краткое» слово и пускал пары, как паровоз перед закрытым семафором. Семафор, наконец, открылся, и хлынули, как сквозь прованную плотину, прения.

Говорили: Ерошин и Любовцев Боголюбов и Богомолов, Иванов и Смирнов, и Дайреджиев, и Ежик, и Огурцов, и Лакомский.

Люди ворочались на стульях, здремывали, засыпали, просыпались. Спросонья слышали, как председатель, попыхивая папироской, оглашал: — Поступило предложение не курить.

Закуривали спросонья. Спросонья голосовали «за» и «против». Зевали, вздыхали, — пятый уж час прегот!

А прения полыхали.

— Иван Сергеевич совершенно правильно заметил, — подобострастно взвизгивал Лакомский, — что, идя, так сказать, по линии...

По личному поводу домогался слова некто Гугельман.

— По второму разу? — спрашивал у собрания председатель и отвечал за собрание: — Ну, ладно, пусть выскажется. Ладно, до трех раз!

— Товарищи! — говорил Гугельман, — я хочу только сказать, я же не возражаю Ивану Сергеевичу. Я только хотел сказать...

— Ладно, ладно! — кричал из рядов специально для Ивана Сергеевича Лакомский, — самокритики боишься!..

По вопросу о самокритике тут же записалось еще семь человек. Робкий голос из собрания попросил прекратить запись ораторов. Гневный голос возразил: — Самокритику зажимаете?

По вопросу о зажиме записалось еще пять человек...

...Когда обалдевшее и ословевшее собрание причаливало к резолюции, — в рядах говорили:

— Какая еще сволочь выступит с дополнением?

— Найдется! Вы-ы-ступит. Вон тот уже юлит. Сейчас выскочит, собака!

— Ему хоть и не читай резолюцию, все равно внесет дополнение.

— Сво-о-лочь!

«Сволочь» встала и попросила слева в дополнение к пункту семнадцать резолюции.

— Одну минутку, — сказал председатель и крикнул собранию: — Товарищи перебежчики, вы куда? Придется перейти, видно, на осадное положение!

— Ночное время, товарищ, домой пора!

— Ну, ночь еще впереди, и что это за мелкобуржуазные предрассудки — домой? Собрание еще не кончилось!

Моросил за черными окнами осенний дождик. Дымили, как костры, заливаемые водой, прения по дополнению к семнадцатому пункту резолюции...

...Моросил с утра перешедший на непрерывку мелкий осенний дождик. Заводские станки, не принимавшие участия во вчерашнем собрании, молчаливо ждали вчерашних участников собрания. Увы, очень многие сегодня запаздывали или совсем не выходили на работу.

— Что за неосознанность? — возмущался в заводоуправлении Иван Сергеевич, — и доклад им специальный сделал, и прения были горячие, и вот — извольте!

— А не созвать ли нам еще одно собрание? — предложил готовый на все председатель завкома.

За окнами моросил мелкий, непрерывный, осенний гнусный дождик.

«Сволочь» встала и попросила слова.

Дать Ивану Сергеевичу два часа.

СООБЩЕНИЯ „КРОКОДИЛА“

Начались регулярные занятия в кружке рабочих **КАРИКАТУРИСТОВ** при „Крокодиле“ (Тверская, 8, 4-й этаж).

Курсы готовят карикатуристов для стенгазет и массовых журналов.

На курсы принимаются исключительно товарищи, связанные с производством.

При записи необходимо представить свои рисунки.

ВНИМАНИЮ РАБОКОВ И РАБОЧИХ, ЖЕЛАЮЩИХ РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ САТИРЫ

При редакции „Крокодила“ открыта литературная консультация по сатирическому фельетону (в прозе и стихах) по темам для рисунков и по малым формам сатиры и юмора (мелочи, остроты, заметки, сценки и т. д.). Консультация будет работать по 3, 7, 13, 17, 23, 27 числам каждого месяца с 3 до 5 ч. дня.

Консультанты: Н. Иванов-Грамен, Вас. Лебедев-Кумач, Л. Митницкий и В. Павлов.

ПЛОХО быть несознательным бескооперативным человеком на тринадцатом году революции, когда быстрым темпом идет новая жизнь, а старая дряхлеет.

Надо объединяться, — иначе какая же к черту новая жизнь без нового быта и, можно сказать, на отлете от кооперативно-организованного потребителя.

И жена к тому же на горло наступает. «Хочу, — говорит, — как приличная. Другие свободные домохозяйки из сознательных могут и по магазинам по-настоящему походить, в очереди постоять, спросить, что дают. А у нас все не как у людей».

— К примеру, заходишь в магазин, — ворчит жена, — люди стоят. Значит, что-то дают. Занимаешь очередь, а тебе всякая может сказать:

— Извини, подвинься, гражданка. Здесь только пайщикам.

Скажу определенно. Обидно мне стало за жену, да и сам вспомнил, какую чувствую неловкость. Другой из-за какого-нибудь паршивенького таракана в супе гордо потрясает в воздухе кооперативной книжкой, тычет ее под нос заву столовкой и угрожает, что на собрании пайщиков разделает его под орех. А ты?..

Поспешила со всех сторон мозгами и записался. Через неделю я вручил жене новенькую книжку «Красного замосворечья».

Сам же я похрабел до невозможности, активность во мне по всей крови заходила, и я с нетерпением жду собрания пайщиков. «Ну, — думаю, — покажу нашему правлению кооператива кузькину мать, как полноправный член кооператива в эпоху самокритики!»

Ждать пришлось недолго. А у меня фактики один на один. Все выписаны в блок-ноте: 1) бюрократизм; 2) в столовке самым неприличным образом каплет с потолка в щи вода неопределенного цвета; 3) сам видел, как продавец отпускал знакомым по протекции... 4) цены не снижаются, а на некоторые товары даже недопустимо пляшут вверх.

И еще и еще... Даже цитаты для крепости подыскал, чтобы развернуться по первой категории. Пришел на собрание первым и горю нетерпением. Выступает председатель правления. Доклад как доклад. Длинный и скучный. Докладчик выпил полграфина воды, капиталистов, конечно, помянул, о планах работы правления сказал. Председатель трижды звонил, хотя все сидели в полном порядке. Но это он, чтобы народ не заснул.

Начался прения. Я мотаю на ус. «Пусть, — думаю, — люди высказываются, разойдусь, и я свое слово скажу».

Все шло гладко, но на четвертом ораторе каша заварилась. Остановил его председатель:

— Вы, товарищ, не по существу вопроса повестки дня.

— Как? — возмущается оратор, и пот выступает у него на лбу. — За свои пять минут не могу о снижении цен поговорить!

— Вы не по существу, — дважды вторит председатель.

— Но дайте же досказать, — снова возвращается оратор. — Я, может, не говорил с тринадцатого года! Регламент же кончается.

Заступилось собрание, и четвертый оратор с трудом досказал. Но тут же попросил слово член правления и отчитал ретивого оратора на чем свет стоит. «Пора, — говорит, — на тринадцатом году революции сознательность иметь. Пора устав знать. Он напеча-

тан на каждой членской книжке кооператива «Красное замосворечье». Вот что говорит параграф 23 устава:

«Члены общества данного района оповещаются правлением общества не позднее чем за три дня до районного собрания о времени и месте его, а также и о вопросах, подлежащих его рассмотрению... На собрании могут рассматриваться только вопросы, обозначенные в объявлении...»

Собрание молчало. А я-то не догадался просмотреть устав и тоже мог влопаться. Самокритика уставом не предусмотрена, а в объявлении про снижение цен тоже ничего не предсказывалось...

Я, конечно, не стал просить слова. Я не выступал. Зачем оставаться в дураках?

Ан. Труманов.

РЕДКАЯ НАХОДКА

«Тихоокеанская звезда» сообщает о замечательном открытии:

В деревне Чернышевка, Владивостокского округа, на незначительной глубине, всего около полуметра от поверхности земли, был обнаружен каменный уголь, а также канифоль.

Канифоль до сих пор добывалась из скипидара и смолы. Если тихоокеанцы нашли ее в земле, то возможно, что они найдут поблизости и залежи струнных инструментов.

САМАРСКОЕ ЧУДО

В «Приволжской коммуне» было напечатано объявление, полное загадочности и даже волшебства:

Пропал жеребенок, 2-х лет, серой масти, считать недействительным.

Это пахнет превышением довального уровня.

Раньше могли только превратить какого-нибудь старого мерина в действительного статского советника, а насчет недействительности жеребят и мечтать не смели.

ОРИГИНАЛЫ

В тульском журнале «Молот» решили раз навсегда покончить с женщинами. В статье о творчестве М. Кольчугина сказано прямо:

Женщины — ахиллесова пята для Кольчугина. Мы не знаем ни одного произведения Кольчугина, где бы не было женщин или девушек. Но хорошо ли это для пролетарского писателя? Не грозит ли это Кольчугину отрывом от пролетарской идеологии?

Человеку, который задает такие вопросы, следует задуматься и над другой проблемой, а именно:

— Ах, зачем ты меня, мама, родила!

ДЕФИЦИТНЫЙ ТОВАР

Рис. М. Храпковского (по теме тов. Воронова)

— Как ты животновода достала? Где выдают?

— Их не выдают, они в учреждении окопались. Я с теленочком подошла, ну, и выхватила без очереди.

ПЛОХОЕ ЗРЕНИЕ

(Оппортунист у глазного врача)

- А эту надпись видите?
- Нет... Никак не могу разобрать...

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ

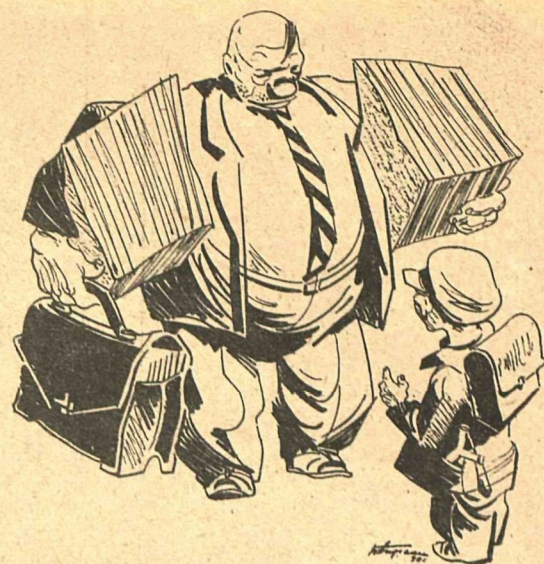
ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ
ЧИТАТЕЛЯМ
„КРОКОДИЛА“

НА ПОДШЕФНЫЙ „КРОКОДИЛУ“
МАГНИТОСТРОЙ

ВЫЕХАЛ ОТВ. СЕКРЕТАРЬ
„КРОКОДИЛА“

В багаже большой скоростью следуют специально изготовленные вилы.

ЧИТАЙТЕ в следующих номерах специальные корреспонденции-телеграммы и фельетоны о тормозах и неполадках на великой стройке.

ШКОЛЬНИК:— Дяденька, уступи бумажки на тетрадку!

БЮРОКРАТ:— Ишь ты! А на чем же я буду писать доклады, что в школе тетрадей нехватает?

«ЗАКРЫТЫЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ»

В КИЗЛЯРЕ завелся Кустпром. В Кустпроме засел Балабанов в большом окружении пром-торгфин и особенных планов.

Во всех учреждениях всерьез уже потеряли надежды в Кустпроме нашить себе проз и прочей иной спецодежды.

Им всем Балабанов в ответ кричит, не смущаясь ни мало:

— Ведь ясно вам сказано: нет! Ну, нету у нас матерьяла!

А некий однажды пострел, ко складу протиснувшись боком, такие дела подсмотрел нескромным пытающим оком:

Товар разгрузили на склад. Пришел Балабанов неснящий:

— А ну, распаковывай, брат, вот этот уютенький ящик! Другой за компанию вскрой да свету пусти сквозь оконце... Н-да... выйдет недурный покрой... Н-да... знатное, видно, суконце...

Одобрил, затем отобрал, усы пожевав и подумав, двух разных сортов матерьял и... сшил себе пару костюмов.

В Кизляре все люди свои — что пишу давать кривотолкам? — Кирсанову, предРКИ, костюмчик он сшил тихомолком. И этим же торным путем, ничьей не потребовав визы, и сам Ковалев — исполком облекся в кустпромные ризы. За ними, без мыслей и дум, манером такого же рода, в кустпромный оделся костюм Анищев из Райполевода...

Опять в учреждениях вопрос, опять загорелись надежды: теперь-то дождемся уж проз и прочей иной спецодежды.

Но... слышат знакомый ответ, хотя и в подправленном стиле:

— Товару, вам сказано, — нет: мы все уже распределили!

С.

ТОРЖЕСТВО В ШПОЛЕ

ТИХИЙ вечер лег над Шполой. Оглушая все окрест, заиграл мотив веселый упоительный оркестр.

Капельмейстера команда. Врет встревоженный кларнет. Стонет новая веранда: начинается банкет.

Ша!
Открылся коопвечер («коопсмычка», «коопмост»). Пять минут казенной речи:

— Достиженья... Планы... Рост...

А потом — душа наружу. Музыканты жарят марш. Звонят стопок. Начат ужин завоу, помов, секретарш.

Как слеза, в графинах водка. Вин щекочущий букет. Луком сдобрена седлдка. Хруст поджаренных котлет.

Отчего же пробок хлопцы? Водка льётся, как вода?

Предправленья рабкоопа уезжает навсегда!

— Хорзов чудный! Хорзов славный! Шполу спас, как гуси Рим. С ним рабкооп наш вырос явно. Гран мерси! Благодарим!

Преду грамоту подносят под хлопки всей сотни душ. Строй бокалов на подносе. А в оркестре громкий туш...

Вот закатного румянца потускнел далекий след...

На веранде в вихре танца шарк начищенных штиблет. В аромате русской горькой, в дикой тряске потрохов, праздник длился вплоть до зорьки, до последних петухов...

**

Утро.

Вот итог готовый: на прощальный банкет двести вбухали целковых, двести пайщидких монет!

А. Стоврацкий.

«ВИХРИ ВРАЖЕБНЫЕ»

Производительность труда в Далькрайживотноводсоюзе необычайная: ежедневно конвейером из-под перьев досужих «увязывающих и согласовывающих» вылетают многометровые инструкции, которые всей тяжестью обрушиваются на головы раз'ездных агрономов.

Каждая бумага грозит: «немедленно», «срочно», «безоговорочно», «к неуклонному исполнению» и т. д.

Из-за такого обильного урожая и непомерных всходов бедные агрономы не видят не только земли, но даже и неба.

Повидимому, животноводы, вращаясь в кругу «подведомственных» четвероногих, стали четверорукими. Не надеть ли им намордники на руки?

НИ ДНА НИ ПОКРЫШКИ

- Эй, ребята, бросай работу!
- Скорей лезь под кровати!
- Что, аи туча идет?
- Эвона какая: сейчас ползет!

Рабочие Бишимбаевского строительства на Урале очумело срываются с мест, кидают на койки матрацы и пальто и лезут под эти надежные прикрытие. Туча раздражается дождем, и через «липовую» крышу в рабочие дома текут грязные ручьи.

Строители кроют крыши, рабочие кроют строителей, и в результате рабочим, вместо жилищ, ни дна ни покрывки.

— Давай, — говорят, — покроем крышу матрацами, — все равно мокнут каждый раз.

Из 880 рабочих осталось 550. Остальные смылись. Вернее, их дождями смыло.

Если бы дождем смыло головотяпство строителей, было бы лучше. А пока...

— Лезь, ребята, под кровати: туча ползет!

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Головотяпа не назову определенно вредителем. Можно сказать: головотяпы, вы — не вредители. Но можно сказать и так: головотяпы, вы не вредите ли?...

★

Граждане, лишённые прав, склонны утверждать, что правый уклонист — прав!

★

Не оттого ли завелись вредители в Союзрыбе и в Союзмясе, что там руководители — «ни рыба, ни мясо?..»

★

Читая о «Перерве», восклицаю уныло:

— Удивляться ли, что наш транспорт не может много перевезти, если ему пришлось так много перенести!..

Беспартийный
Савелий Октябрьев.

36
17/4
Рис. А. Топикова

АРХИВ
27 ОКТ 1938
Г. Д. К. П.

43602 ✓

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО

— Тут у меня прорыв, тут — оппортунизм, не знаю, что и делать.
— Как — что делать? Уедем опять в отпуск месяца на два!.. Вот и все!